

ЖЕНСКИЕ РУКОДЕЛИЯ В КОНТЕКСТАХ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ СКАЗОК

ЕЛЕНА ВАЛЕРЬЕВНА САМОЙЛОВА

(Санкт-Петербургская государственная консерватория им. Н. А. Римского-Корсакова:
Российская Федерация, 190000, г. Санкт-Петербург, ул. Глинки, д. 2, литер «А»)

Насчѣ ты возьмѣшь ты неткаху-ту, непряху-ту?
Вон у меня дочери-ти ткахи, да и пряхи — любую бери из трёх!
(«Про коровку-буренушку») [Зеленин 2002, 99]

Аннотация. В статье рассматриваются варианты восточнославянских сказок с сюжетом о гонимой падчерице, представленные в сборниках XIX — начала XX в. Анализ моделей поведения сказочных персонажей проводится с позиций гендерных исследований. Внимание автора фокусируется на испытаниях героини в сфере хозяйственных практик, традиционно находившихся в ведении женщин (изготовление/декор ткани и тканевых предметов, молочное скотоводство, садоводство, огородничество и птицеводство).

Сказка рассматривается как один из источников, используемых в культурной традиции для программирования (кодификации) социального порядка. Этнографические данные позволяют установить связь рассматриваемых фольклорных текстов с нормами обычного крестьянского права, а также повседневными и ритуальными практиками, фиксируемыми в культуре восточных славян.

Ключевые слова: сказка, падчерица, мачеха, женский текст, женские практики.

Полотенце, клубочек, прялка, веретено и кужель входят в число часто встречающихся атрибутов народных сказок. Причастность к женским рукоделиям может рассматриваться как характерная деталь, используемая при создании различных женских образов (вне возраста и сословий — старухи, девки, бабы; княгини, панночки, царевны и крестьянки),

в том числе и фантастических (ведьмы и Бабы-Яги). Тексты сказок знакомят со всеми видами работ, связанных с производством и украшением ткани, такими, как выращивание льна/конопли, обработка растительных волокон, прядение, ткачество, шитье, вышивка и вязание. Предметы женских рукоделий передаются брачным партнерам¹, обмениваются²,

¹ Помогают герою в решении трудных задач, прохождении испытаний. В сказке «Оклеветанная купеческая дочь» (Аф., 336) девушка вяжет золотую перчатку, чтобы выручить из беды брата. Нередко рукоделие рассматривается как знак, символизирующий принадлежность роду, семье (родственники узнают зятя по рукоделию дочери/сестры и оказывают необходимую помощь): «Мудрая жена» (Аф., 216), «Поди туда* — не знаю куда, принеси то — не знаю что» (Аф., 212, 214), «Про юру» [Зеленин 2002, 43–49].

² Заветным рукоделиям героини (или инструментам) цены нет: их отдают за исцеление (обретение зрения) — «Купеческая дочь и служанка» (Аф., 127), возвращение мужа — «Перышко Финиста ясна

похищаются³, сопутствуют или препятствуют в дороге⁴ и т.п. Среди разнообразных занятий, включаемых в канву сказочных текстов, доминирует именно этот вид женских практик. И если рассматривать сказку как один из источников, используемых в культурной традиции для кодификации или программирования социального порядка, возникает интерес к мифологической подложке ремесла⁵. Какие модели поведения предписываются сказочным персонажам, связанным с изготовлением/использованием тканевых предметов или инструментария, необходимого для их производства? И как они соотносятся с кодексом соционормативной культуры (этнографические пересечения, параллели)?

Исследование основывается на текстах восточнославянских сказок (русских, украинских, белорусских), представленных в сборниках А. Н. Афанасьева, Д. К. Зеленина, Н. Е. Ончукова, А. М. Смирнова, П. П. Чубинского, Б. Д. Гринченко, Г. А. Барташевич, К. П. Кабашникова, И. Панкеева, И. Рудченко, Е. Романова и др., а также публикациях исследователей конца XIX — начала XXI в.

Обратимся к тем вариантам сказок, связанных с женскими рукоделиями, которые В. Я. Пропп исключает из схем морфологического анализа («*Он не во всех случаях легок, но во всех возможен*» [Пропп 2000, 265]), и рассмотрим их на образцах, представленных в сборниках русского, украинского и белорусского фольклора.

1. Сказки о гонимой падчерице

По классификации А. И. Никифорова этот сюжет попадает в группу женских сказок (добывание жениха, страдание невинно гонимой девушки) [Никифоров 2008, 318]. Принцип гендерной дифференциации текстов, как и другие идеи, предложенные ученым еще в начале прошлого века, в те годы не получили

развития и практически выпали из дискурса отечественной фольклористики [Костюхов 2008, 7].

В 70–е гг. XX в. интерес к феминистскому, а позже, гендерному литературоведению возникает в Западной Европе и США (*женское чтение, женская литература, женское письмо, женский текст*). Спустя два десятилетия идеи Дж. Феттерлей, А. Колодны, ориентированные на интерпретацию текстов с позиций женских ценностей, интересов, опыта, находят развитие в отечественной науке [Fetterley 1978; Kolodny 1985]. В поле зрения попадают женские сказки [Здравомыслова, Герасимова, Троян 1998; Пушкарева 2001]. Рассматривая тексты с позиций репрезентации гендера, авторы приходят к выводам о приоритете патриархального сознания, которому соответствуют типажу сильного мужчины и слабой, зависимой женщины [Здравомыслова, Герасимова, Троян 1998, 71; Пушкарева 2001, 90–91]. Развивая на материале русской волшебной сказки концепцию о сказочной героине основоположницы феминистского подхода в финском структуралистском сказковедении С. Апо [Апо 1986; Рахимова 1998, 257], финская исследовательница М. Вестэрхолм занимает отличную позицию: «...женские роли в сказках не такие, как у мужчин», а следовательно, «сила и власть женщины проявляется по-другому» [Вестэрхолм 2011, 38]. Автор обращает внимание на активную женскую позицию в сказках «Крошечка-Хаврошечка» и «Василиса прекрасная» (сила матери, ее постоянная поддержка помогают героине в преодолении трудностей), отмечает слабые звенья в концепции В. Я. Проппа (считать ли героем того, «кто появляется в сюжете на последних строчках и завершает финальный сюжет сказки — свадьбу?» [Вестэрхолм 2011]).

На периферии исследовательских интересов оказывается сюжетная линия,

сокола» (Аф., 285) или доброе слово «Купленная жена» (Аф., 230, 231), «Доброе слово» (Аф., 233, 234).

³ В сказке «Неосторожное слово», у жениха воруют заветную ширинку, подаренную мастерницей (Аф., 228). В украинской сказке «Дедова дочка и бабина дочка» бабина дочка отбирает у сводной сестры наряденную за вечер пряжу [Рудченко 1870, 54].

⁴ Предметы-путеводители и предметы, создающие преграды на дорогах, рассматривает В. Е. Добровольская [Добровольская 2009, 77, 104, 108].

⁵ Вербальные и невербальные тексты, сохраняемые в коллективной памяти группы, Т. Цивьян рассматривает как «самый эффективный способ обучения словарю и грамматике» архетипической модели мира [Цивьян 1990, 11]. Усвоенная модель используется «в кодификации будничной жизни» [Цивьян 1990, 109].

связанная с испытаниями героини в хозяйственных практиках, как правило, находившихся под полным контролем женщин. Как следствие ускользает культурный контекст (модели поведения, регламентация практик). Что проверяют и как, кто эксперт? Влияет ли тест на взаимоотношения в женской группе (мачеха — падчерица — сестры)?

Расширим поле поиска и рассмотрим варианты сказок с сюжетом о гонимой падчерице, представленные в сборниках конца XIX — начала XX в.

1.1. Чудесная корова (СУС 511)

Привлечение дополнительных источников с публикациями интересующего нас сюжета позволяет выявить варианты, которые отличаются степенью детализации при описании процессов производства полотна и способов заготовки тканевого приданого. Вариант русской сказки «Крошечка-Хаврошечка»⁶ достаточно известен, поэтому начнем с разбора одночастной (одноходовой?) сказки (СУС 511) «Казка пра сіротку Даротку» [ЧК 2003, 370–373], записанной белорусскими фольклористами. Бедствия героини связаны со смертью матери: отец вступает в повторный брак, девушка воспитывается со сводной сестрой — Ганькой-гулянькой. Мачеха испытывает падчерицу, предлагая решить трудную задачу (мачеха — эксперт), а затем причиняет вред: присваивает полотно, устраняет волшебного помощника (мачеха — вредитель, «нелагодная была», «ад мачыхі ўсё найболын пападаецца» [ЧК 2003, 370]).

Трудная задача представляет своего рода квалификационный экзамен в сфере женских рукоделий⁸: «...бярэ кудзелю, і вялікую кудзелю, і штоб ты яе зараз у дзень спрала і выткала, і выбеліла, у трубочку скруціла і дамоў прынесла» [ЧК 2003, 370]. Сложность заключается в изготовлении «обыденного» (однодневного) полотна, которое создавалось в народной традиции в особых случаях: при эпидемиях, падеже скота, стихийных бедствиях

или как особый вид женского дара, жертвуемый по обету [Зеленин 1994, 193–214]. Вариант изготовления обыденного полотенца, отмеченный В. И. Далем, интересен мотивацией мастерицы: «За хорошаго жениха Богородице обыденник обещалась» [Даль 1881, 658], т. е. девичий обет связывается с поиском брачного партнера.

Создание ритуального полотна процесс трудоемкий, требующий коллективных усилий. Преодоление трудностей становится возможным благодаря чудесному помощнику (корове), по просьбе которой сорок девок морских прядут в сорок ветрен и выполняют работу в срок: «...усё зрабілі і ў трубочку скруцілі» [ЧК 2003, 371].

На следующий день мачеха испытывает собственную дочь. Девушка проявляет жесткость по отношению к помощнику, хлещет корову кнутом, ругает, проклинает: «...ідзі, каб цябе воўк», «Карова (возвращается домой. — Е. С.) тошчая, не напіўшыся, не наеўшыся» [ЧК 2003, 371]. Ошибка испытываемой — в расчете на собственные силы: «...села, <...> дзе ж ей верацёна браць. Ды смактала, смактала гэту кудзеліну, звайлачыла. Нічога не палуцаецца. І кінула, закляла ўсё чыста» [ЧК 2003, 371]. В неудачах обвиняется корова, и мачеха принимает решение избавиться от животного (убийство/устранение чудесного помощника).

Даротка успешно проходит очередное испытание. Она предупреждает помощника о замысле мачехи и после смерти животного получает дар — зернышки и скорлупу, добытые из желудка коровы. Под окнами вырастает чудесная яблонька, рядом появляется колодец.

Героиня превосходит соперницу (дочь мачехи) на всех этапах состязаний и становится завидной невестой: она — хорошая пастушка, садовница — «яна і яблыкамі корміць», искусная мастерица и владелица богатого приданого (чудесной яблоньки). Не покидая пределы домашнего локуса⁹, она добивается успеха

⁶ Согласно статистическим данным, приведенным Л. Г. Барагом и Н. В. Новиковым, встречается 23 русских, 17 белорусских и 13 украинских вариантов этого сюжета [Афанасьев 1984, 462].

⁷ Термин В. Я. Проппа.

⁸ В данной статье под женскими рукоделиями понимаются все виды работ, связанные с производством и украшением ткани.

⁹ Испытание героини происходит в локусах, связанных с домом, — приусадебная территория (сад/огород), участки, отведенные под пастбища (поскольку в текстах не встречается мотив дороги, можно заключить, что место выпаса находится неподалеку от дома).

и получает брачное предложение от статусного, состоятельного жениха (пана).

Сходным образом складывается судьба героини в сказке «Крошечка-Хаврошечка» (трудные задачи — чудесный дар — замужество) [Афанасьев 1984, 120–121].

В рассмотренных сказках нет места мужскому подвигу (это же можно сказать и о финале первой части в текстах с двухчастной структурой, которые будут рассмотрены ниже). Ситуация сватовства возникает по случаю, как путь к овладению ценным имуществом (диковинкой), которое принадлежит другому: «Увидел яблочки, затрогал девушек» [Афанасьев 1984, 121]. В некоторых случаях идея женитьбы появляется лишь после провалных попыток самостоятельно добыть желаемое (яблоко, воду): «...ён падняў руку, гэтыя яблыкі тожа шух! і пайшлі, падняліся ўгару» («Казка про сиротку Даротку»), «хотів вирвати яблочко, а яблонька в гору – шугу!» («Про дідову дочку та про золоту яблуньку») [Чубинский 1878, 462]. Волшебное дерево (или сад) в большинстве случаев перемещаются во владения мужа: «... сели в телеги, — и сад к ним на запятки» («Про коровку-буренушку») [Зеленин 2002, 99], «...вони йдуть, а яблонька за ними з города слідом біжить» («Рись-мати») [Рудченко 1870, 52], («Про дідову дочку та про золоту яблуньку»), («Бичок та дидова дочка») [Чубинский 1878, 464, 467], («Дедова дочка и золотая яблонька») [Сказки 1992, 80] и др.

Белорусская сказительница Я. М. Альфер видит заслуги жениха в проявлении таких качеств, как верность слову и целеустремленность (добивается намеченной цели): «...чаго я дабіваўся, таго і дабіўся. Я сказаў, хто мне падасць гэтых яблыкаў, я таго і замуж забяру», и освобождает падчерицу из семейного плена: «...ён і

высвабодзіў Даротку з сиротства і з пакуты» [ЧК 2003, 373].

Возможно, именно фактор пассивной и второстепенной роли героя давал толчок развитию сказочного сюжета.

1.2. Чудесная корова. Мать-рысь (СУС 511 + 409)

В двухчастных (двухходовых¹⁰) сказках (СУС 511 + 409) «Про коровку-буренушку» [Зеленин 2002, 98–101], «О Марье царевне» [Ефименко 1878, 227] «Рись-мати» [Рудченко 1870, 51–53], «Девушка-рысь» [Смирнов 2003, 213–215], «Марыся», «Казка пра залатую яблыньку» [ЧК 2003, 365–370, 373–375], «Буреня», вар. с. Несимковичи [Романов 1887, 292]¹¹, «Про дідову дочку та про золоту яблуньку», «Бичок та дидова дочка» [Чубинский 1878, 459–465, 466–467], «Дедова дочка и золотая яблонька» [Сказки 1992, 74–81] продолжение сюжетной линии связано с вредительством мачехи-колдуньи, действующей самостоятельно или в сговоре с дочерью. Пользуясь отлучкой супруга героини, она выманивает из дома¹² и заколдовывает падчерицу, превращая ее в рысь, лисицу, птицу или рыбу. Противодействие вредителю начинается с возвращением героя домой, где ему предлагается выдержать тест на идентичности гендерной роли: он вступает в поединок с вредителем, разоблачает и побеждает противников, расколдовывает супругу, восстанавливая брачный союз.

Роль чудесных помощников, выручающих падчерицу из беды, отводится домашним животным (корова, бык), птице (петух), уход за которыми осуществлялся женщинами. В некоторых случаях прослеживается связь этих животных с предком (умершей матерью)¹³. В сказке «Баба-Яга» соседка превращает мать героини в корову: «...откусила купчиха

¹⁰ Термин В. Я. Проппа.

¹¹ Интересен вариант сказки [Романов 1887, 289–291], представляющий контаминацию трех сюжетов (СУС 511 + 706 + 403 + 707). Мачеха-повитуха отсекает падчерице (матери чудесного ребенка) руки (Безручка. Чудесные дети), совершает подмену (Подменная жена).

¹² В сказке «Девушка-рысь» падчерица (мастерица) не может устоять перед заманчивым предложением Бабы-Яги повидаться с искусными рукодельницами: «У меня есть три дочери, первая кружовья плетет, а другая брани берет, а третья вышивает» [Смирнов 2003, 215].

¹³ В сказках, позволяющих установить связь волшебного помощника (коровы) с умершей матерью. В. Я. Пропп отмечает варианты с сюжетом о гонимой падчерице, в которых корова — дар [Худяков 1862], и те, в которых корова — мать девушки (на образцах сербских, немецких и индийских сказок), «захороненная корова или захороненная мать играет роль помощницы “с того света”» [Пропп 2001б, 7–8; Пропп 2000, 268], т. е. вариант (корова — мать) из сборника В. А. Гатцука ему неизвестен.

яблоко — обернулась коровой *Буренушкой*» [СРН 1992, 106]. Чаше встречаются варианты, в которых корова/бык достаются в наследство от покойной матери (собственность падчерицы, приданое) [Сказки 1992, 75; Ончуков 1908, 314; Смирнов 2003, 213], и могут рассматриваться как одна из форм опосредованного участия покойной в судьбе дочери: «*Памерла адна жанчына і пакінула сваёй маленечкай дачцы цялушачку*», «*як будзеи замуж ісці, гэта будзе табе пасаг*» (*пасаг* — белорус., приданое) [ЧК 2003, 365]. Убийство животного-помощника лишает падчерицу наследства, имущества, что ослабляет ее позиции среди претенденток на достойного жениха. Если корова хозяйская, поведение мачехи иррационально — хозяйка убивает хорошую (иногда единственную) корову.

Этот тип двухчастных сказок вызывает интерес с позиций исследования моделей гендерного поведения.

Первый ход: испытание социальной зрелости героини в практиках, подконтрольных женщинам (создание и украшение ткани, молочное скотоводство, огородничество/садоводство, птицеводство).

Девушка выдерживает экзамен на соответствие гендерной роли. Она подтверждает статус *мастерицы* в сфере женского ремесла (прядет, ткёт, отбеливает полотно); *пастушкі* — пастыба и уход за домашним скотом (корова, бык); *садовніцы/огородніцы* — ухаживает за чудесным растением или целым садом (посмертным даром помощника), выросшим из останков животного на приусадебной территории под окном, на огороде, в саду; *птичніцы* — в одном из сюжетных вариантов у героини «*быў пеўнік. Яна дала яму пшанічкі, дык пеўнік яе любіў*» [ЧК 2003, 368], накануне свадьбы петух своим необычным поведением привлекает внимание жениха и помогает ему раскрыть обман и вызволить девушку, запертую в курятнике.

¹⁴ Смотры невест как функция, структурный элемент, оказываются за пределами классификационной разбивки В.Я. Проппа, поскольку систематизация элементов проводилась с позиций героя сказки, т.е. с позиций гендерного центризма. Смотры невест представляют своего рода состязание претенденток, отстаивающих право на счастливый брак, достойного партнера. Демонстрации нарядов, свидетельствующих о мастерстве девушек, социальном, экономическом положении семьи, можно сравнить с мужскими соревнованиями в ловкости и силе (метание копья, булавы, перемещение тяжелого камня и пр.).

Второй ход: тестирование героя, предполагающее подтверждение аттитюдов, соответствующих той модели маскулинности, которая сформировалась в традиции восточных славян.

1.3. Чудесная корова. Золушка (СУС 511 + 510 А)

Обратимся к двухчастным формам, в которых первая часть близка к вариантам, рассмотренным выше, и сводится к тестированию претенденток на статус мастерицы в практиках производства ткани: «Золотый черевичок» [Рудченко 1870, 43–48; Сказки 1992, 360–366], «Одноглазка, двуглазка и треглазка» [Ончуков 1908, 51–53]. В решении трудных задач, связанных с прядением и ткачеством (изготовление однодневного полотна), помогают помощники (корова, бычок), из костей животных появляются чудесное дерево и колодец.

Вторая часть — смотры невест («Золушка»). Падчерицу продолжают испытывать в рукоделиях (девушка шьет рубаху из сотканного полотна) и других домашних работах. Чудесные помощники/предметы (барышни/двенадцать девиц, прутик) появляются из волшебного дерева/сада, помогают в работах, обеспечивают дорогами нарядами (богатым приданым). Девушка участвует в смотрах, теряет туфельку. Царевич узнает невесту по башмачку и женится на героине.

Сходных вариантов в сборниках русского и белорусского фольклора обнаружить не удалось.

1.4. Золушка (СУС 510А)

Двухходовая сказка (трудные задачи + смотры невест¹⁴) с интересной связкой структурных компонентов: развитие сюжетных линий происходит параллельно (решение задач — участие в публичных мероприятиях, смотрах): «Замарашка» [Худяков 1860, 51–53], «Золотой башмачок», «Чернушка», [Афанасьев 1985, 316–318], «Дівчина — вошывый кожушок» [Чубинский 1878, 73–76]. Выполнение

трудных задач связано с черновыми работами (уборкой, перебиранием мака, смешанного с пеплом, и т. п.), что можно рассматривать как исключение из сферы женских ремесел. Отсутствие тканевого приданого, как и запрет на участие в публичных змотрах невест, создает помехи в поисках брачного партнера. По замыслу мачехи ей уготована участь бесприданницы (она не участвует в производстве одежды, ткани), но с помощью волшебного помощника (покойной матери или крестной, рыбы, птиц) преодолевает трудности, становится состоятельной невестой и удачно выходит замуж.

1.5. Свиной чехол (СУС 510В, 313Е)

Композиция сказки схожа с предыдущей (трудные задачи + змотры невест): «Свиной чехол» [Афанасьев 1985, 312–316], «Аб брату, што сястру за жонку ўзяў», «Аб свіным кажущу»¹⁵ [ЧК 2003, 359–364] и др. Подсказки покойной матери помогают избежать кровосмешения (инцеста) и получить от отца/брата богатое приданое (платья — тканевое имущество, башмачки, карету, лошадь). Девушка в лучших нарядах трижды появляется в церкви или на балу (змотры как состязания и демонстрация состоятельности), теряет туфельку, по которой ее находит жених. Интересен вариант сказки «Буреня» [Романов 1887, 292–295], основанный на контаминации сюжетов. Получив приданое, девушка не покидает родительский дом, так как отец по совету покойной супруги женится на вдове; чудесная корова помогает исполнить задания мачехи, сводные сестры присматривают за падчерицей под предлогом передачи опыта — «послала зь ёй дочку

нибытцамъ учитца» [Романов 1887, 293]; героиня принимает участие в змотрах невест и обретает супруга; далее сказка развивается по сценарию «подменной жены» (СУС510В + 511 + 403).

1.6 Мачеха и падчерица (СУС 480, 480А, С*, С**)

Принципиальные отличия вариантов сюжета от рассмотренных выше связаны с изменением «экспертной комиссии» и мест проведения испытаний. Тестирование на зрелость и состоятельность переносится в лес (чужое, неосвоенное пространство, противопоставленное дому, территория, связанная с мужскими промыслами). В роли экзаменаторов оказываются мифологические персонажи преимущественно мужского пола (мороз, леший, черт, старик, кобыля голова (лошадь имеет тесную связь с мужским миром) или дикие животные (медведь)). Чудесные помощники — встречные (печь, дерево, река, собака, лошадь, дикие птицы) и обитатели лесной избушки (мышь). Героиня выдерживает тест на коммуникативность и знание соционормативной культуры (поведение в лесу, в кризисных ситуациях, странноприимство, взаимоотношения с мифическими существами¹⁶ и т. п.), получает хорошее приданое (тканевое и др.) от сторонних дарителей¹⁷ и впоследствии удачно выходит замуж, сестра-соперница — нет (погибает или возвращается ни с чем и остается в девках).

В некоторых вариантах украинских и белорусских сказок тестирование девушек проходит в два этапа: в деревне на сурьядках и в лесной избушке — «Дідова дочка и бабына дочка» [Чубинский 1878,

¹⁵ В белорусской сказке «Аб Свіным кажущу» девушка в Святки — «на коляды» получает наряды (богатое приданое) от умершей матери (она выходит из могилы, одаривает дочь, помогает ей в решении трудных задач, заданных мачехой).

¹⁶ В белорусской сказке «Черци и падчерка» героиня не только подтверждает статус рукодельницы, но также применяет сакральное знание для защиты: всю ночь рассказывает черту «житие льна» и спасается от смерти, сестра погибает [ЧК 2003а, 246; Романов 1887, 365]. В славянской культуре рассказы о «житии» и «муках» льна служили оберегом от нечистой силы [Усачева 2004, 95]. Мотив получения тканевого приданого (подвенечного наряда) от нечистого фиксируется в рассказах о святочных гаданиях, записанных в Сургутском крае. Как и в народных сказках, девушка требует от гостя, явившегося ей в образе жениха, принести по одной вещи. Поутру пел петух (смекалистые невесты ходили гадать с петухом), «жених» исчезал, а девушка становилась обладательницей нарядов [Неклепаев 1903, 138].

¹⁷ В вариантах сказок, рассмотренных выше, дарители находятся с падчерицей в отношениях кровного/духовного родства (покойная мать, крестная, отец, брат). При опосредованной передаче дара выбираются животные, связанные с женскими хозяйственными практиками (корова, бык).

63–64, 67–68], «Дзедава дачка і бабіна» [ЧК 2003а, 238–242]. Мачеха поручает девушкам напрясть кудели. Падчерица — мастерица, тогда как ее сводная сестра праздно проводит время. Она обманывает мать, выдавая пряжу сестры за свою: «*Дідова дочка все пряде да пряде <...>, а бабына тўылько зь хлопцямы граецця <...>, вўызме да й змаае починок изь її веретена на свое: у єі и бўыльшыи починокъ стане. А якъ прийдуть до дому, то вона й каже: — Дідова дочка не пряде, а тўылько зь хлопцямы граецця. Подывітыця, мамо, який вона починок напярла, а який я*» [Чубинский 1878, 63–64]. Падчерица впадает в немилость, изгоняется из дома, далее сюжет развивается по схеме, описанной выше.

Обратим внимание на взаимоотношения в женской триаде: мать (мачеха) — дочь — падчерица. Отношения между мачехой и падчерицей обостряются после обвинений сестры (результаты теста искажаются). Испытания в лесной избушке¹⁸ помогают восстановить справедливость и обличить лжегероиню. С изменением статуса падчерицы (непряха — пряха) нередко нормализуются отношения в семье. Мать признает состоятельность девушки (обеспеченной невесты, рукодельницы) и а) укоряет собственную дочь: «...тую <...> так жаніхі ўзялі, цябе ў малу ўсадзілі» [ЧК 2003а, 225], «...та добра привезла, а ти гадюк привезла» [Рудченко 1870, 61]; б) досаждает, но смиряется в случае смерти родной дочери [Романов 1887, 365]; в) меняет отношение к падчерице, «*добрее стала*» («Морозко») [Сказки 1992, 8]. В одном из вариантов падчерица упреждает отъезд сестры и делится добытым приданым [Чубинский 1878, 68].

1.7. Мачеха и падчерица (СУС 480В*, *Е)

Сюжет, связанный с испытанием падчерицы у Бабы-Яги, вынесен в отдельный параграф, во-первых, по причине того, что Баба-Яга относится к женской группе мифологических персонажей; во-вторых, из-за отличий в логике развития сюжетных линий (завязка сказки определяется недостатком предмета, необходимого для занятий женскими

рукоделиями, — иглы, веретена, огня). Характер недостачи предопределяет появление мифологического существа, играющего роль эксперта в женских ремеслах: героиню отправляют к Бабе-Яге, которая в текстах славянских сказок претендует на звание лесной рукодельницы. Во власти Яги (она же лесная старуха, тетка) одарить героиню волшебными пальцами или веретеном («Перышко Финиста ясна сокола») [Афанасьев 1985, 191], ее избушка «*на турьей ножке, веретёной пятке*» («Волочашка») [Ончуков 1998, 105–106] вмещает предметы, необходимые для рукоделий (веретена, прялку, кросна, пядьца, нити и пр.) [СРН 1992, 115; Зеленин 2002, 138; Афанасьев 1984, 156]. Она — искусная мастерица: прядет «*шюлковой кужель на золотой веретеньцо*» («Про орла») [Зеленин 2002, 95]. Дочки под стать лесной старухе: выращивают лен («Мальчик-с-пальчик») [Афанасьев 1984, 304–305], сами «*ткахи да и пряхи*» [Зеленин 2002, 95].

Девушки, отправленные мачехами к Бабе-Яге, проходят различные испытания: ведут хозяйство, занимаются рукоделиями (ткнут, пока хозяйка топит печь), решают трудные задачи (перебирают зерно, смешанное с землей или пеплом). Испытания в лесу могут рассматриваться как ритуальное тестирование, одна из форм социальных инициаций. Возникают параллели с посвятельными обрядами мужской группы [Пропп 2000]. Героини сказок, выдержавшие проверку в лесной избушке, обретают сакральное знание — силу, которая в народной культуре связывались с дорогой, с чужой стороной, «Чтобы ее обрести, нужно соприкоснуться с миром дорог — реально или символически, во время ритуала. Получение силы даже местным жителем есть перемещение его в позицию пришельца, чужака» [Щепанская 2003, 402–403]. Девушки посвящаются в секреты женского ремесла, узнают о магических свойствах ткани и связанных с ее производством предметов (полотенце и гребень помогают уйти от преследования: из гребня вырастает лес, полотенце обращается морем [СРЗ 1992, 118; Афанасьев 1984, 157]),

¹⁸ Лес воспринимается как зона контакта со сверхъестественными силами [Адоньева 2000, 76], т.е. вердикт выносится на высшем уровне и не может быть оспорен. Т.Б. Щепанская рассматривает неопределенность (воплощенную в символических формах, в том числе в образах мифологических персонажей) как средство социального управления [Щепанская 2003, 479].

Василиса, побывавшая у Яги, становится непревзойденной мастерицей (искусной швеей, тонкопряхой, ее полотно «сквозь иглу вместо нитки продеть можно» [Афанасьев 1984, 164]). Неслучайно возвращение падчерицы всегда триумф. Она — победительница. Сводные сестры и мачеха устраняются: погибают при встрече с мифологическим персонажем или же смерть приносит предмет, взятый из домика Яги. В других случаях противоборствующая сторона признает свою несостоятельность и более не смеет препятствовать героине (см. об этом выше).

2. Морфология и гендер

Рассматриваемые варианты двухчастных текстов позволяют дополнить исследование В. Я. Проппа в области морфологии восточнославянских сказок новыми данными. Рассматривая типологические особенности сказок, ученый приходит к выводу, что в вариантах двухходовых сказок «*ходы с боем всегда предшествуют ходам с задачами <...>. Б-П есть типичный первый ход, а ход с трудными задачами — типичный второй или повторный*» [Пропп 2001а, 96]. Ученый допускает возможность рокировки в схемах, но считает, что она может возникнуть лишь в случаях «*механического соединения двух сказок*» [Пропп 2001а, 96]. Выводы находят подтверждение в мужских текстах, которые повествуют об испытании героя (мужской тест).

Обратная логика связи в сцепках 3-Р, Б-П фиксируется в женских сказках, где экзамен на социальную зрелость сдает героиня (женский тест):

$$| i/e^2 a^1 3D^2/D^7T^2/\Gamma^7P \epsilon^3 B^4 D^3 A/A^{14} \Gamma^3 Z \\ N\Phi OIU LC^* = CnR | \quad | \Phi X \uparrow \delta z^1 g A \downarrow B^4 C L^8 \\ BOI^6 c^2 |$$

упрощенная схема (без функций подготовительной части):

$$| 3-P \text{ в} DA \Gamma Z N\Phi OIU LC^* R | \quad | \Phi \\ ABC \text{ Л} B-P c^2 |$$

a^1 — недостача брачного партнера¹⁹ (латентная функция).

N — в данном случае функция, обозначающая появление потенциального брачного партнера.

I — испытание. В классификации В. Я. Проппа функция испытаний соотносится только с дарителем (Д). В рассматриваемых сказках испытывает девушек жених (не даритель).

Таким образом, порядок расположения структурных элементов 3-Р Б-П может рассматриваться как морфологический маркер женских и мужских текстов.

3. Бабье дело (этнографические параллели)

Поиск этнографических параллелей позволяет установить связь рассматриваемых сказок с повседневными и ритуальными практиками, фиксируемыми в культуре восточных славян. Поскольку многие упоминаемые в сказках хозяйственные занятия характерны для сельской местности (выращивание и обработка льна, скотоводство, огородничество, птицеводство), внимание акцентируется на сельской культурной традиции.

Все перечисленные выше практики представляют сферу хозяйствования, подконтрольную женской группе, — *бабье дело*. Наличие собственного дела и существенный вклад в экономику семьи («жена нашего крестьянина вполне сама зарабатывает себе хлеб» [МЭБТ 2011, 346]), позволяли женщинам выстраивать супружеские отношения с позиций равноправного партнерства, основанного на субординации и принципе параллельного управления. Мужчины старались держаться в стороне от бабьих работ²⁰, а женщины — от мужских. Нарушители порядка становились объектом насмешек и вызывали неодобрение сообщества: «*Что, Иван, сегодня пахать поздно выехал, или куриц щупал?*» — *страшивает с насмешкою сосед мужика, который любит все бабьи дела до тонкости знать*», «*таких мужей бабы не жалуют, ворчат на них: уж не лез бы, куда не следует! Знай свое-то дело, а в горшки не заглядывай. Статочное ли дело — мужик и яйца считать будет*» [МЭБТ 2011, 349].

¹⁹ В системе функциональной классификации В. Я. Проппа при обозначении функций прослеживается ориентация на тип сказочных сюжетов, в которых испытание проходит герой: так, функция a^1 свидетельствует о недостаче невесты/человека. Функции, обозначающей недостачу жениха, нет.

²⁰ «В работах исключительно женских: обделка льна, работа на огороде и др. мужья сами уже слушаются своих жен» [МЭБТ 2011, 347].

Секреты создания ткани передавались по женской линии. Избегая мужской конкуренции, женщины не обучали рукоделиям сыновей [МЭБТ 2011, 349]. В «Сказке о молодце-удальце, молодильных яблоках и живой воде» Ирина-мягкая перина наказывает заглянувшего к ней царского сына: бросает ему в погреб кудель со словами: «Когда научишься прясть, в ту пору дам тебе есть!» [Афанасьев 1984, 361], т. е. обрекает на голодную смерть.

Следовательно, индифферентное поведение отца падчерицы (в сказках) в период испытаний в женском деле — норма, т. е. он не имеет права оспаривать результаты проверок, устраиваемых женой. В одном из вариантов отец просит повторно протестировать дочь, но результат остается прежним: сводная сестра обманывает падчерицу и выдает ее работу за свою — «теперь бачишь сам, хто робить, а хто гуляе». Ему приходится смириться с участью дочери-нахлебницы, которая «нечого не робить, тубылько дурно ість хлібъ» [Чубинский 1878, 63–65], и отводит ее в лес²¹.

Но если для мужчин сфера рукоделий считалась закрытой, то для женщин она представляла зону особого интереса, поскольку тканевое имущество являлось их собственностью и, как правило, наследовалось по женской линии [Ефименко 1873, 51; Ящурский 1991, 505]. «Неприкосновенность женской коробыи установлена обычаем и охраняется миромъ» [Матвеев 1878, 26]. В больших семьях, где было несколько женщин, область пересечения интересов нередко порождала распри и вражду: «Две косы улежатся, а две прялки — никогда» [Иллюстрот 1904, 98].

Основу тканевого имущества составляло приданое девушки, которое во многом предопределяло будущее невесты. Каждая мать знала, «что чем больше приданого у ее дочери, тем больше шансов найти ей хорошего жениха» [МЭБТ 2011, 287]. Ценность приданого определялась в том числе и мастерством девушки, принимавшей участие в его подготовке. Неслучайно старшие родственницы старались передавать опыт и знания подрастающим дочерям. Обряды посвящения девочек в рукодельницы сопровождалась магическими действиями (зашивали в ремень талисман, сжигали

первую спряденную нить, ели пепел, рожок гусеницы и пр.) [Шухевич 1904, 154; Байбурин 1991, 263]. По распространенным среди крестьян поверьям непряжу (неткажу) ожидало одиночество или греховная жизнь, тогда как у рукодельницы отбоя от женихов не было [Бернштам 1999, 211, 215], т. е. в женской среде представления о счастье в замужестве увязывались с рукоделием: *мастерство в ремесле — приданое — брак*.

Девочки-подростки, оставшиеся на попечении отцов (вдовцов), проигрывали сверстницам в мастерстве по нескольким причинам: со смертью матери нарушался процесс передачи знаний, им приходилось вести хозяйство, и времени на работу с тканью не оставалось. Не лучше обстояли дела и у тех, кто воспитывался отчимом: «...росла с чужим отцом, так даже вышивать не умею, <...> отец этот не давал (заниматься рукоделием. — Е. С.), худой мужик был» (Зап. от А. П. Осиповой, около 80 лет, Ленинградская обл., Бокситогорский р-н, д. Боброзоро. Соб. Е. В. Самойлова. 2016 г.) [АФЭЦ. 318-А002-002-003].

Отметим двухуровневую систему контроля в практиках производства ткани: индивидуальный (осуществлялся хозяйкой в кругу семьи) и групповой (со стороны женского сообщества в пределах этнолокальной группы). Экспертная группа — мастерицы, женщины старшего возраста. Во время коллективных практик, таких, как супрядки, посиделки, беседы и пр., можно было наблюдать за работой девушек-рукодельниц, оценивать профессиональные навыки, обмениваться опытом. Публичные мероприятия (сезонные праздники, посиделки, вечерки, воскресные и праздничные богослужения, ярмарки и т. п.) рассматривались женской группой в том же ключе — как повод для демонстрации и оценки девичьих нарядов [Бернштам 1988, 241]. Особую заинтересованность в собраниях подобного рода проявляли матери женихов. А перспектива брачных отношений (кто придет в семью, какая хозяйка) была одним из факторов, влияющих на развитие системы контроля в сфере производства текстиля. Регулярные проверки гарантировали получение достоверной информации о претендентке (в селении все девушки были на виду). Опасность подвоха

²¹ Аналогичным образом поступали со стариками, которые не могли участвовать в крестьянских работах [Велецкая 2003]. Ср. варианты сказок с сюжетом о гонимой свекрови: падчерица = свекровь (Мороз) [Чубинский 1878, 434–435; Романов 1887, 361].

возникла при сватовстве на стороне (вне контролируемой зоны), известны случаи, когда невеста пускалась на хитрость и одалживала текстиль на время осмотра приданого [МЭБТ 2011, 329].

Система производственного контроля представляла одну из форм социальной защиты женского права и позволяла избегать ситуаций, послуживших основой для развития сюжета о гонимой падчерице. В рассмотренных сказках мачеха не только нарушает права приемной дочери, но, по сути, противостоит сообществу, системе: утаивает результаты квалификационного теста, лишает девушку приданого — прячет сотканый ею холст в сундук, «*щоб ніхто й не бачив, що дідова дочка принесла*» [Рудченко 1870, 44], запрещает участвовать в смотрилах. И только вмешательство высших сил (покойная мать, мифические существа) восстанавливает справедливость.

Сирота получает поддержку покойной на всех этапах испытаний: мать одаривает дочку приданым (одежда, ткань) из разверзшейся могилы или передает холсты, полотенца, наряды через

родственников-мужчин, чудесного помощника — корову; награждает подарком, который невозможно скрыть в сундуке, — чудесное дерево, колодец; помогает решить трудные задачи и попасть на праздничную службу в церковь/костел, пир, бал, т. е. на смотри невест. Приданое, привезенное из лесной избушки, становится собственностью падчерицы. И этого не утаить: новость облетает деревню (приданое привозят, собака сообщает весть), по каналам коммуникативной сети распространяется достоверная информация, и тут же находится пара (состоятельный жених). Сходный финал в вариантах, предусматривающих участие девушки в смотрилах невест.

Таким образом, в сказках подтверждается легитимность народного обычая, права (в данном случае женского, связанного с тканевым имуществом), поддерживаемого кодексом соционормативной культуры. Сбой на одном из уровней (проверки в семье) компенсируется на другом (верификация в группе, общественное мнение) — система функциональна.

Литература

Адоньева 2000 — Адоньева С. Б. Сказочный текст и традиционная культура. СПб., 2000.

Архипова 2008 — Архипова А. С. О Евгении Алексеевиче Костюхине и этой книге // Никифоров А. И. Сказка и сказочник. М., 2008. С. 6–8.

Афанасьев 1984 — Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. Т. 1. М., 1984.

Афанасьев 1985 — Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. Т. 2. М., 1985.

Байбурин 1991 — Байбурин А. К. Обрядовые формы половой идентификации детей // Этнические стереотипы мужского и женского поведения. СПб., 1991. С. 257–265.

Бернштам 1999 — Бернштам Т. А. «Хитро-умро рукодельице» (вышивание-шитье в символизме девичьего совершеннолетия у восточных славян) // Женщина и вещественный мир культуры у народов России и Европы. СПб., 1999. С. 191–249. (Сб. Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого. Т. 57).

Велецкая 2003 — Велецкая Н. Н. Языческая символика славянских архаических ритуалов. М., 2003.

Вестэрхолм 2011 — Вестэрхолм М. Сила женщины? Образы поборницы и других женщин сказок: Диплом. раб. Тампере, 2011. URL: <http://tampub.uta.fi/bitstream/handle/10024/83197/gradu05617.pdf?sequence=1>

Даль 1881 — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 2. М.; СПб., 1881.

Добровольская 2009 — Добровольская В. Е. Предметные реалии русской волшебной сказки. М., 2009.

Ефименко 1873 — Ефименко П. С. Приданое по обычному праву крестьян Архангельской губернии // Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. Т. 3. СПб., 1873.

Ефименко 1878 — Ефименко П. С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. Народная словесность // Труды Этнографического отдела Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. Кн. V. Вып. II. М., 1878.

Здравомыслова, Герасимова, Троян 1998 — Здравомыслова Е., Герасимова Е., Троян Н. Гендерные стереотипы в дошкольной литературе // Преображение. Вып. 6. М., 1998. С. 65–78.

Зеленин 1994 — Зеленин Д. К. «Обыденные» полотенца и обыденные храмы (Русские народные обычаи) // Зеленин Д. К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре 1901–1913. М., 1994.

Зеленин 2002 — Зеленин Д. К. Великорусские сказки Вятской губернии: С приложением шести вотяцких сказок. СПб., 2002. (Полное собрание русских сказок. Предреволюционные собрания. Т. 7).

Иллюстров 1904 — *Иллюстров И.* Сборник пословиц и поговорок. Киев, 1904.

Матвеев 1878 — *Матвеев П.* Очерки народного юридического быта Самарской губернии // Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. Т. 8. СПб., 1878.

МЭБТ 2011 — Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: Матер. «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 7: Новгородская губерния. Ч. 2: Череповецкий уезд. СПб., 2011.

Неклепаев 1903 — *Неклепаев И. Я.* Поверья и обычаи Сургутского края // Записки Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Т. 30. Омск, 1903.

Никифоров 2008 — *Никифоров А. И.* К вопросу о морфологическом изучении народной сказки // Никифоров А. И. Сказка и сказочник. М., 2008. С. 313–318.

Ончуков 1908 — *Ончуков Н. Е.* Северные сказки (Архангельская и Олонецкая губ.). СПб., 1908.

Пропп 2000 — *Пропп В. Я.* Русская сказка. М., 2000. (Собрание трудов В. Я. Проппа).

Пропп 2001а — *Пропп В. Я.* Морфология волшебной сказки. М., 2001. (Собрание трудов В. Я. Проппа).

Пропп 2001б — *Пропп В. Я.* Волшебное дерево на могиле (К вопросу о происхождении волшебной сказки) // Пропп В. Я. Сказка. Эпос. Песня. М., 2001. (Собрание трудов В. Я. Проппа).

Пушкарева 2001 — *Пушкарева Н. Л.* Читаем сказки сквозь «гендерные очки» (одна из методик гендерной педагогики) // Гендерные проблемы в общественных науках. М., 2001. С. 88–108.

Рахимова 1998 — *Рахимова Э. Г.* Изучение повествовательной прозы в финской фольклористике // Литературоведение на пороге XXI века. М., 1998. С. 255–261.

Романов 1887 — *Романов Е. Р.* Белорусский сборник. Т. 1: Губерния Могилевская. Вып. 3: Сказки. Витебск, 1887.

Рудченко 1870 — *Рудченко И.* Народные южнорусские сказки. Вып. 2. Киев, 1870.

Сказки 1992 — Сказки славянских народов: В 14 кн. Кн. 1: Украинские сказки. Золотой черевичек / Сост. И. Панкеев. М., 1992.

Смирнов 2003 — Великорусские сказки архива Русского географического общества. Сборник А. М. Смирнова. Кн. 1. СПб., 2003. (Полное собрание русских сказок. Предреволюционные собрания. Т. 9).

СРН 1992 — Сказки русского народа / Сост., ред. В. А. Гатцук. М., 1992.

Цивьян 1990 — *Цивьян Т. В.* Лингвистические основы балканской модели мира. М., 1990.

Худяков 1862 — *Худяков И. А.* Великорусские сказки. Вып. 2. М., 1862.

ЧК 2003 — Чарадзейныя казкі: У 2 ч. Мінск, 2003.

Чубинский 1878 — *Чубинский П. П.* Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край: Юго-западный отдел: Материалы и исследования. Т. 2. СПб., 1878.

Шухевич 1904 — *Шухевич В.* Гуцульщина // Матеріали до українсько-руської етнології. Виданне етнографічної комісії. Т. 4. Львів, 1904.

Щепанская 2003 — *Щепанская Т. Б.* Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв. М., 2003.

Ящурский 1991 — *Ящурский Х. П.* О превращениях в малорусских сказках // Українці: Народні вірування, повір'я, демонологія. Київ, 1991.

Аро 1986 — *Aro S.* Ihmesadun rakenne: juonien tyypit, pääjaksot ja henkilöasetelmat satakuntalaisessa kansansatuaineistossa. Helsinki, 1986. (SKST 446).

Fetterley 1978 — *Fetterley J.* The resisting reader: A feminist approach to American fiction. Bloomington, 1978.

Kolodny 1985 — *Kolodny A.* A map for re-reading: gender and the interpretation of literary texts // The new feminist criticism. Essays on women: literature and Theory. New York, 1985. Pp. 46–62.

Сокращения

Аф. — Афанасьев
АФЭЦ — Архив Фольклорно-этнографического центра им. А. М. Мехнецова Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Ведущий специалист по фольклору Фольклорно-этнографического центра им. А. М. Мехнецова Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова: Российская Федерация, 190000, г. Санкт-Петербург, ул. Глинки, д. 2, литер «А»; тел.: +7 (812) 571-29-47; e-mail: etnograd@mail.ru

FEMALE HANDICRAFTS IN THE CONTEXT OF EAST-SLAVIC FOLK-TALES

ELENA SAMOYLOVA

(St. Petersburg State Conservatory named after N. A. Rimskiy-Korsakov: 2 "A", Glinki str., St. Petersburg, 190000, Russian Federation)

Summary. *The variants of East-Slavic tales with a plot of the persecuted stepdaughter presented in publications of the 19th — the beginning of the 21st century are considered in this article. Behavior models of fairy-tale characters are analyzed from positions of gender studies. Author's attention is focused on challenges of the heroine in the sphere of household practices which in ethnic culture, as a rule, were under control of women (production /decoration of cloth and textile items, dairy cattle breeding, gardening, olericulture and poultry farming).*

The folk-tale is considered as one of the sources used in cultural tradition for programming (codification) of a social order. Ethnographic data allow to trace connection of the considered folklore texts with standards of the peasant customary law and also daily and ritual practices fixed in the culture of East Slavs.

Key words: *fairy-tale, stepdaughter, stepmother, female text, female practices.*

References

- Adon'eva S. B.** (2000) Skazochnyy tekst i traditsionnaya kul'tura [Folk-tale text and traditional culture]. St. Petersburg. In Russian.
- Afanas'ev A. N.** (ed.) (1984) Narodnye russkie skazki A. N. Afanas'eva [Russian folk-tales coll. by Afanasyev in 3 vol.]. Vol. 1. Moscow. In Russian.
- Afanas'ev A. N.** (ed.) (1985) Narodnye russkie skazki A. N. Afanas'eva [Russian folk-tales coll. by Afanasyev]. Vol. 2. Moscow. In Russian.
- Apo S.** (1986) Ihmesadun rakenne: juonien tyypit, pääjaksot ja henkilöasetelmat satakuntalaisessa kansansatuaineistossa [Structure and message of magic tales: description and interpretation of South-West Finnish folktale material]. Helsinki. (SKST 446). In Finnish.
- Arkhipova A. S.** (2008) O Evgenii Alekseeviche Kostyukhine i etoy knige [About Evgeniy Aleskeevich Kostyukhin and this book]. *Nikiforov A. I. Skazka i skazochnik* [Folk-tale and its narrator]. Moscow. Pp. 6–8. In Russian.
- Bayburin A. K.** (1991) Obyriadovye formy polovoy identifikatsii detey [Ritual forms of gender identification among children]. *Etnicheskie stereotipy muzhskogo i zhenskogo povedeniya* [Ethnic stereotypes of male and female behavior]. St. Petersburg. Pp. 257–265. In Russian.
- Bernshtam T. A.** (1999) "Khitro-mudro rukodel'itse" (vyshivanie-shit'e v simbolizme devich'ego sovershennoletiya u vostochnykh slavyan) ["Sharp-cookie" handicrafts (embroidery and needle-work in the symbolic of maiden's adulthood among Eastern Slavs)]. *Zhenshchina i veshchestvennyy mir kul'tury u narodov Rossii i Evropy* [Woman and thingish world of culture of ethnoses of Russia and Europe]. St. Petersburg. Pp. 191–249. In Russian.
- Charadzeynyya kazki (2003) [Fairy-tale]. In 2 parts. Minsk. In Belarusian.
- Chubinskiy P. P.** (1878) Trudy etnograficheskostatisticheskoy ekspeditsii v Zapadno-Russkiy kray: Yugo-zapadnyy otdel. Materialy i issledovaniya [Proceedings of the ethnographic-statistic expedition to the West-Russian territory: South-West department. Materials and studies]. Vol. 2. St. Petersburg. In Russian.
- Dal' V. I.** (1881) Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka [Explanatory Dictionary of the Alive Great-Russian Language]. In 4 vol. Moscow. In Russian.
- Dobrovo'lskaya V. E.** (2009) Predmetnye realii russkoy volshebnoy skazki [Thingish realia of Russian fairy-tales]. Moscow. In Russian.
- Efimenko P. S.** (1873) Pridanoe po obychnomu pravu krest'yan Arkhangel'skoy gubernii [Trousseau according to the common law of peasants of the Arkhangel'sk province]. *Zapiski Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva* [Notes of the Emperor Russian Geographical Society]. St. Petersburg. 1873. In Russian.
- Efimenko P. S.** (1878) Materialy po etnografii russkogo naseleniya Arkhangel'skoy gubernii. Narodnaya slovesnost' [Materials on ethnography of Russian population of Arkhangel'sk province. Folk oral literature]. Moscow. 1878. Issue 2. In Russian.
- Fetterley J.** (1978) The Resisting Reader: A Feminist Approach to American Fiction. Bloomington. In English.
- Ilyustrov I.** (1904) Sbornik poslovits i pogovorok [Collection of proverbs and sayings]. Kyiv. In Russian.
- Yashchurskiy Kh. P.** (1991) O prevrashcheniyakh v malorusskikh skazkakh [About views in Minor-Russian <Ukrainian> folk-tales]. *Ukrain'tsi: Narodni viruvannya, povirya, demonologiya* [Ukrainians: Folk convictions, beliefs, demonology]. Kyiv. In Russian.
- Khudyakov I. A.** (1862) Velikorusskie skazki [Great-Russian folk-tales]. Issue 2. Moscow. In Russian.
- Kolodny A.** (1985) A Map for Rereading: Gender and the Interpretation of Literary Texts. *The New Femi-*

nist Criticism. Essays on Women: Literature and Theory. New York. Pp. 46–62. In English.

Matveev P. (1878) Ocherki narodnogo yuridicheskogo byta Samarskoy gubernii [Essays of folk juridical everyday life of Samara province]. *Zapiski Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva po otdeleniyu etnografii* [Notes of the ethnographic department of the Emperor Russian geographical society]. St. Petersburg. In Russian.

Neklepaev I. Ya. (1903) Pover'ya i obychai Surgut'skogo kraja [Beliefs and customs of Surgut territory] *Zapiski zapadno-sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva* [Notes of the Western-Siberian department of the Emperor Russian geographical society]. Vol. 30. Omsk. In Russian.

Nikiforov A. I. (2008) K voprosu o morfologicheskom izuchenii narodnoy skazki [To the question of morphological studies on folk-tales]. *Skazka i skazochnik* [Folk-tale and its narrator]. Moscow. Pp. 313–318. In Russian.

Onchukov N. E. (1908) Severnye skazki (Arkhangelskaya i Olonetskaya gub.) [Northern Tales: Arkhangel'sk and Olonets provinces]. St. Petersburg. In Russian.

Propp V. Ya. (2000) Russkaya skazka [Russian folk-tale]. Moscow. In Russian.

Propp V. Ya. (2001a) Morfologiya volshebnoy skazki [Morphology of a fairy-tale]. Moscow. In Russian.

Propp V. Ya. (2001b) Volshebnoe derevo na mogile (K voprosu o proiskhozhdenii volshebnoy skazki) [Magic tree at the grave (To the question of fairy-tale origin)]. *Skazka. Epos. Pesnya* [Folk-tale. Epics. Songs]. Moscow. In Russian.

Pushkareva N. L. (2001) Chitaem skazki skvoz' "gendernye ochki" (odna iz metodik gendernoy pedagogiki) [Reading folk-tales through gender glasses (one of methodologies of gender pedagogics)]. *Gendernye problemy v obshchestvennykh naukakh* [Gender problems in social scholarship]. Moscow. Pp. 88–108. In Russian.

Rakhimova E. G. (1998) Izuchenie povestvovatel'noy prozy v finskoy fol'kloristike [Studies on narrative prose in Finnish folkloristics]. *Literaturovedenie na poroge XXI veka* [Literature studies on the threshold of the 21st century]. Moscow. Pp. 255–261. In Russian.

Romanov E. R. (ed.) (1887) Belorusskiy sbornik [Belarusian miscellanea]. Vol. 1: Guberniya Mogilevskaya [Mogilev province]. Issue 3: Skazki [Folk-tales]. Vitebsk. In Russian.

Rudchenko I. (1870) Narodnye yuzhnorusskie skazki [Folk South-Russian folk-tales]. Issue 2. Kyiv. In Russian.

Russkie krest'yane. Zhizn'. Byt. Nravny: Materialy "Etnograficheskogo byuro" knyazyaya V. N. Tenisheva (2011) [Russian peasants: Life. Everyday life. Morals: Materials of the "Ethnographic bureau of prince V. N. Tenishev"]. Vol. 7. Novgorod province. Part 2. Cherepovets county. St. Petersburg. In Russian.

Shchepanskaya T. B. (2003) Kul'tura dorogi v russkoy miforitual'noy traditsii XIX–XX vv. [Road culture in the Russian mythic-ritual tradition of the 19th — the 20th centuries]. Moscow. In Russian.

Shukhevich V. (1904) Gutsul'shchina [Huzul community]. Materials on Ukrainian-Russian ethnology. Publication of the ethnographic committee. Vol. 4. Lviv. In Ukrainian.

Skazki russkogo naroda (1992) [Folk tales of the Russian people]. Moscow. In Russian.

Skazki slavyanskikh narodov [Folk-tales of the Slavic ethnoses] (1992) In 14 books. Book 1: Ukrainskie skazki. Zolotoy cherevichok [Ukrainian folk-tales. A golden shoe]. Moscow. In Russian.

Smirnov A. M. (2003) Velikorusskie skazki arkhiva Russkogo geograficheskogo obshchestva [Great-Russian folk-tales at the archive of the Emperor Russian Geographical Society. Book 1. St. Petersburg. In Russian.

Tsiv'yan T. V. (1990) Lingvisticheskie osnovy balkanskoy modeli mira [Linguistic bases of the Balkan world model]. Moscow. In Russian.

Veletskaya N. N. (2003) Yazycheskaya simbolika slavyanskikh arkhaiskikh ritualov [Pagan symbolic of Slavic archaic rituals]. Moscow. In Russian.

Westerholm M. (2011) Sila zhenshchiny? Obrazy pobornitsy i drugih zhenshchin skazok [Female power? Images of vindicantes and other women in folk-tales]. Graduation thesis. Tampere. In Russian.

Zdravomyslova E., Gerasimova E., Troyan N. (1998) Gendernye stereotypy v doshkol'noy literature [Gender stereotypes in pre-school literature]. *Preobrazhenie* [Transfiguration]. Issue 6. Moscow, 1998. Pp. 65–78. In Russian.

Zelenin D. K. (1994) "Obydennyye" polotentsy i obydennoye khramy (Russkie narodnye obychai) ["One day" towels and churches built in one day (Russian folk customs)]. Selected works. Articles on spiritual culture 1901–1903. Moscow. In Russian.

Zelenin D. K. (2002) Velikorusskie skazki Vyatskoy gubernii: S prilozheniem shesti votyatskikh skazok [Great-Russian folk tales of Vyatka province: with 6 Votyak <Udmurt> folk-tales attached]. St. Petersburg. In Russian.

ABOUT THE AUTHOR

E-mail: etnograd@mail.ru

Tel.: +7 (812) 571-29-47

2 "A", Glinki str., St. Petersburg, 190000, Russian Federation

Leading expert, Center of Folklore and Ethnography named after A. M. Mekhnetsov, St. Petersburg State Conservatory named after N. A. Rimskiy-Korsakov